

Александр Щёголев

Любовь зверя

«Щеголев Александр Геннадьевич»

Щёголев А. Г.

Любовь зверя / А. Г. Щёголев — «Щёголев Александр
Геннадьевич»,

Повести Александра Щёголева – классические триллеры с элементами
эротики и психоанализа.

Содержание

7. Подвал[1]	5
8. Улица	9
9. Подвал	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Щёголев

Любовь зверя

(осколки красивого романа)

7. Подвал¹

Действие:

Он остановился, потому что распахнувшаяся на мгновение дверь преградила ему путь. Возникли два существа – поплыли, поплыли по коридору, удаляясь. Голые спины, слепленные из бугров мышц, торсы, раскачиваемые мощными ягодицами.

– Атлетки, – нежно сказал он. Проводил их профессиональным взглядом и вдруг крикнул. – Девочки, как настроение?

Гулкий звук. Настоящее подземелье.

Те обернулись, сделали неопределенные жесты, улыбаясь. Они шли босиком. В закрытых спортивных купальниках. И были очень, очень молоды.

– Можно вас на секунду? – снова крикнул он.

Было можно. Только пришлось подойти лично – они ждали.

– Виноват, у меня пара вопросов....

Ждали, уже не улыбаясь. Тогда заулыбался он:

– Для начала, как вас зовут, красавицы?

– Ты что, из милиции?

Не грубость, нет, просто эмансипированным красавицам хотелось знать. Что ж, их право. Впрочем, к чему скрываться? Он привычно прекратил быть штатским – стал подтянутым, цепким, сжатым – обычно это действовало на юных созданий женского пола неотразимо. Крепко усмехнулся:

– Называйте меня «товарищ майор», не ошибетесь.

– Ха! – сказала одна.

– Ну! – сказала другая.

– То-то, – сказал товарищ майор.

– Сейчас позовем учителя, подождите.

Такие сосредоточенные, что просто противно. Требовалось пошутить. Товарищ майор принял казенный вид:

– Спокойно, зачем кого-то звать, дело ведь пустяковое. Я ловлю женщину-монстра, поняли? Думается мне, любая из вас отлично подойдет в качестве трофея. Красота, как говорится, страшная сила...

Он с удовольствием погладил рельефную поверхность девичьего плеча – того, что ближе. Знак восхищения, ничего особенного. Плечо брезгливо дернулось:

– Трогать не надо.

– Какую женщину? – удивилась вторая из красавиц.

Товарищ майор вздохнул:

– Ну ту, которая... Телевизор не смотрите, что ли?

– А-а...

– Вот тебе и «а-а».

Перестали моргать, молча работали лбами.

¹ Некоторая странность в нумерации глав получит объяснение в финале повести, – от авт.

– Так вечная же история, – дружно поджали они губки, – то маньяк бродит, то пришельцы, то еще кто-нибудь.

– Что, не верите?.. – усмехнулся товарищ майор и обратил внимание на часы. Сразу вернулось рабочее настроение. – Ну и правильно, старухи все врут от безделья. Ладно, девочки, шутки в сторону. На самом деле я по делу...

Он посмотрел вбок. Сначала мельком. Потом... Навстречу шло еще одно молодое создание, на этот раз в спортивном костюме.

– Ничего себе! – сказал он. – Серьезный товарищ, глаз радуется.

– Наша староста, – сообщили ему. Он кивнул.

– Первая группа уже заканчивает, – не сдерживая голоса, бросила староста. – А мы начнем на полчаса позже, учитель сейчас занят. Зайчики мои, вода в душе гуляет, имейте в виду.

Неудержимо повеяло теплым – она проследовала мимо. На гостя не среагировала, просто не заметила. Ударная волна, вызванная ее репликой, плавно улеглась, секунду-две пометавшись между хмурыми бетонными стенами.

– Как вы тут занимаетесь? – посочувствовал товарищ майор. – Не клуб, а катакомбы, жуть.

Ему возразили невольно, зато щедро:

– Кстати, вы зря, спортзал у нас шикарный! Учителю отдали бывшее бомбоубежище, а мы сами клуб делали, спортзал оснащали.

– Хорошо, хорошо, – он нетерпеливо кивнул. – Вот что... Объясните, пожалуйста, где мне тут найти одну барышню? Милита, знаете ее? Это девочка вроде вас, тоже культуристкой мечтает стать.

– Милита? Так она еще не приходила.

Глазели настороженно, но честно. Товарищ майор дернул щекой, нервничал.

– Да не бойтесь вы, не арестую! Я ее папа. Позовите-ка ее сами, а то я случайно забреду куда-нибудь в душ, к вашей старосте.

Они хором развеселились. Наконец-то. Только не из-за остроты про душ, как оказалось.

– Вас бояться, что ли? – засмеялись, задвигались. – Не было еще вашей Милиты, ни на линейке, ни на общих... Сходите сами в спортзал и спросите. Вон, в конце коридора.

– Как это не было! – возмутился он. – Девять вечера! Где она шляется? – задергал щекой не на шутку. Впрочем, сдержался. – Есть тут у вас кто-нибудь из взрослых?

– Вон та дверь, постучите. – Они вдруг слаженно развернулись и пошли прочь, унося с собой ненавистные бабские смешки. Закончили беседу, красавицы. Товарищ майор кратко глянул им вслед. Фиксировать взглядом колдовской танец стянутых купальником ягодич уже не было настроения, и он отвернулся.

Четким движением снял с рукава пылинку. Сунул пальцы под пиджак: что-то поправил, что-то слева. Сделал необходимое число шагов, рассеяно поигрывая плечищами.

Эмоциональный фон:

Подвал чертов! Сколько осталось до поезда? Час пятьдесят. Ладно, времени хватит, на машине до вокзала – пятнадцать минут.

Но если ее здесь действительно нет, то плохо. Где она может шляться! Зверь-баба растет. Вот уж кто женщина-монстр, вся в папашу... Она или не она взяла? На фигу ей могла понадобиться такая игрушка! Хахалей своих пугать, что ли? Так хахали у нее вечно хлипкие, кулак покажи – трусы испачкают. Есть, правда, другой вариант: просто кто-нибудь из Милкиных доходяг-ухажеров в чужой стол случайно залез. Какой-нибудь очередной очкарик, понимаешь, перепутал, решил, что он у себя дома. Вытащил, значит, из школьного ранца связку отмычек, подобрал к замочку ключик... Нет, без мужского разговора с ней уезжать невозможно. Иначе не командировка получится, а тихое помешательство. Но если Милка ничего не знает, то непо-

нятно, на кого и думать. Не на супругу же, в самом деле! Заявлять придется, писать бумажки, мямлить в кабинетах...

Вот, значит, где она занимается, культуристочка юная. За целый год любящий папаша не удосужился заглянуть сюда, поглазеть, как ребенок качается. Ведь можно было устроиться ей в настоящее место, при Управлении хотя бы – нет, уперлась, что твой генерал. Нашла себе подземелье! «Молодежный атлетический клуб», тьфу, нищета, позорище... А подросточки здесь ничего, судя по первой встрече. Имеется в виду, конечно, женский пол. Прямо руки чешутся – не бабы, а настоящие мужики, мечта простого майора. И не надо, не надо про мораль! Жена у нас тоже в любимых, успокойтесь. Как конура для пса. Попробуй, перестань любить эту дуру, так она сразу генералу бумагу накапает. Падла... Впрочем, к этим деткам прежде чем подойти, разминку требуется сделать, пробежку километров на десять. Тоже, понимаешь, цветы жизни. Шутишь с ними, тратишься, с хамками переразвитыми. Думают, накачали себе ножищи, и можно пинать каждого встречного. Молодежный стиль. Погонять бы их часок-другой в настоящем режиме, живо бы спесь сошла.

Ребята из статистического отдела говорят, что в этом году бабье совсем озверело, компьютеры трещат от сводок. Все закономерно: сегодня для мелкого самоутверждения ты нахамил шикарному мужчине, а завтра ты убьешь человека. Что происходит? Ну, жизнь поганая, это понятно, так ведь всегда была поганая. Раньше – вообще домострой. Бунтует слабый пол, бунтует. Одна Милита и осталась из нормальных – без вывертов детка.

Действие:

Имела место приклеенная бумажка: «СТАРШИЙ ТРЕНЕР». «Старший, очевидно, и единственный», – ухмыльнулся гость. Детей жалко (продолжил он несвоевременные мысли). Денег нет, специалистов нет. Бедность, вечная наша бедность. Между прочим, вот вам главная причина остервенения российского бабья – это коммунистическая бедность лучших мужиков... Культурно тюкнул в дверь могучим кулаком и, не теряя времени, разрешил себе войти. Было темно. Он пошарил по стене, налево, направо, и включил свет. Никого. Помещение без окон – тот же сплошной бетон, что в коридоре. Шкаф, стол, стул, телефонный аппарат на столе. В стене вместо окна – амбразура, закрытая стальной створкой. Гость огляделся, неодобрительно морщась: откровенно говоря, было странно.

– Прямо камера, – сказал он. – А?

И отступил назад, прибавив нечто сквозь зубы. Взмахнул рукой: дверь оглушительно вернулась в исходное положение. Затем пошел, собранно раздвигая грудью пространство коридора – туда, где чуть слышно звенели юные голоса и лязгало страдающее железо.

Из внешнего фона:

– Ненавижу таких. У него прямо на роже нарисовано, что он всех сильнее. Надо было «старуху» остановить, пусть бы сама с ним разбиралась. Плохо быть дурами, ха!

– «Старуха», кажется, в релаксационную пошла.

– Блин! Ладно, скажем ей, когда выйдет. По-моему, он не наврал, что майор. Явный мент, на роже нарисовано.

– А учитель, кстати, в тестовой комнате должен сидеть. Сегодня он кого-то из общей к нам переводит.

– Ха, повеселятся школята! Я помню тоже, когда тест проходила, психанула, как дура. Родичи потом прицепились: что с тобой да что с тобой, так я им, сволочам, исписала матюгами обои в проходной, фломастер угробила. На всю жизнь запомнят, идиоты, что со мной.

– Круто!

– Ну! А про тест «старуха» тут еще историю рассказывала, ты не слыхала? Это до нас с тобой было. Одна дура нажаловалась своему сопливному дружку, а он, само собой, на следую-

щий день припорхал заступаться. Ну, бабы вырубили его, чтобы не лез не в свое дело, дуру из клуба под зад пинком, и больше она никому не жаловалась, потому как «старуха» пареньку шепнула, что на следующем свидании кастрирует его, чтобы зря не мучился...

– Да погодь ты! Я вот все думаю: как же этот пижон, ну мент этот, как же он поперся учителя искать, если учитель в тестовой?

– Блин, точно! Слушай, плохо быть дурами...

8. Улица

Действие:

– Ты не замерз? – спросила она. В ее голосе было много вежливой заботы – впрочем, ничего больше. Он скользнул взглядом по ее голым ногам, по беспечно открытой шее и мотнул головой. В смысле: «Нет». Из верхней одежды на нем был пиджак и брюки, на ней – только футболка и шорты.

– А ты? – он спохватился и стал неловко стаскивать пиджак, который немедленно оказался натянут обратно ему на плечи. Образовалась секундная близость, и он сжался, затаил дыхание. Руки у новой знакомой были крепкими, резкими, хозяйскими. И горячими. И под футболкой у нее было горячо, очень горячо – не по сезону.

– Сиди, – сказала она, ухмыльнувшись. – Лучше застегнись, а то в самом деле замерзнешь.

Осенний ветер обдавал холодным дыханием. Уже давно стемнело. Да, можно было бы точно окоченеть на этой паршивой скамейке, если бы не соседство такой девочки. Если бы не разговоры с ней. Если бы не занятие, которое она предложила.

– Милита! – позвал он. – Как ты думаешь, сколько придется ждать?

– Не бойся, отпущу не позже двенадцати.

– Завтра коллоквиум по материаловедению, – зачем-то сообщил он.

– Кол в зад вставят, – сразу последовало предположение. Это была шутка. Он с готовностью улыбнулся. Она любила непринужденно пошутить, хотя, между нами, не вполне умела. И чужих шуток не признавала. Простая девочка, без бабской придури – это главное, а в остальном... Уверена в себе, как хороший боцман. Именно то, что надо.

– А тебе на завтра много уроков? – поинтересовался он. Дернула головой, глянула в пространство:

– Не бойсь, все накатала. Мне там один помогает, тоже умник вроде тебя.

Она училась в девятом классе. Он – на втором курсе института. Студент и школьница – идеальная пара. Только ростом она была повыше и голосом погромче, и руками покрепче. И непоправимо шире в плечах. Распирали нежную девичью кожу внушительные бугры – не жир, конечно. Ну и школьницы нынче, обалдеть можно! Как к такой подступишься? Жди, пока сама тебя возьмет, умника очкастого. Он вздохнул.

– Милита, ты уверена, что она отсюда выйдет?

– В этом доме ее квартира. Днем она сидит здесь, а вечером идет гулять. Подождем.

– Как она выглядит, ты хоть знаешь? – А так же выглядит, как я. Молодая, красивая.

– Я думал, это страшилище вроде невесты Франкенштейна. Надо же... – Он удивился. – Кстати! Ты что, видела ее когда-нибудь?

– Не твое дело, – она обняла его за плечи и посмотрела в глаза. – Твое дело ждать и слушаться.

Ему стало жарко. В голове, в ладонях. И под рубашкой, и под брюками. Только руки как всегда струсили, а язык превратился в кляп. Она шепнула:

– Ты же обещал помочь, ни о чем не спрашивая, а?

Он кивнул. Конечно, обещал. Что за вопрос?

Тогда она вдруг догадалась:

– Слушай, если ты в сортир хочешь – вон, сбегай в парадную! Я не обижусь, честно.

Теперь уже он смотрел ей в глаза. Там была бездна понимания, бездна искреннего сочувствия, ничего похожего на насмешку, и он заржал, хлопнул ее по голым коленям, ощутил в руках желанную свободу:

– Ну, даешь! За кого ты меня принимаешь?

– А что? – Она тоже заржала, коротко, спортивно. – Зачем зря страдать? Знаю я вас, мальчиков. Терпеть не умеете. Только и умеете, что гадить, а потом на жизнь жаловаться, слабаки.

Это был непринужденный юмор, не больше.

– Бедняжка, – тихо сказал он. – Не везло тебе с мальчиками, да? – он продолжал смотреть ей в глаза. И думал, что вот сейчас... сейчас... ее полные губы так близко... Но она убрала руку с его плеча и села прямо. Зараза.

Он спросил хрипло:

– Извини, я все-таки одного не пойму. Если ты не врешь, ну насчет всего этого, то почему в милицию не пошла? Ерунду какую-то придумала. Я не отказываюсь тебе помочь, просто... – и замолчал.

– Зачем в милицию идти? – ухмыльнулась она. – У меня родной папа как раз оттуда, майор. Кстати, единственный достойный мужик в этом городе.

Ошибается девочка, горько подумал студент. Нет в городе ни одного достойного.

– Это от него ты узнала адрес?

– У меня свои каналы, – она нахмурилась. – Такими вещами отец со мной не поделился бы, как ты понимаешь.

– Не понимаю.

– Ну... Он, кстати, вообще уголовными делами не занимается, всякими там маньяками. Он из внутренних войск, по другой линии... Да кончай выпрашивать, а то перестанешь мне нравиться!

– Ладно, – согласился студент.

В самом деле, было бы обидно перестать ей нравиться. Еще в троллейбусе он ее приметил, когда ехал из метро домой. С привычной тоской подумал, что девочка такая не для хлюпика вроде него, с привычной тоской отвернулся – уронил взгляд в ненавистный конспект – но тут случилось чудо. Она плюхнулась рядом на сиденье. Она _первой_ стала знакомиться. Она объявила, что он, судя по всему, парень подходящий и вполне способен помочь ей. Короче, начался сон. Почему-то юная красавица-спортсменка смотрела на хлюпика так, как не смотрела на него еще ни одна замухрышка. С удивлением? С радостью? Не поймешь, но от ее взгляда – дрожь, кляп, жар. Странно она глазела, с некоей тайной, а повела она себя... Боже, как странно она себя повела! Будто он – ее. Да! Нет! Будто она – уже давным-давно его, и от такого невероятного ощущения мгновенно закружилась голова... Новая знакомая была младше – ощутимо, безнадежно, – но студент второго курса сам был мальчишкой, и они вышли из троллейбуса вместе. Там, где она сказала.

Если честно, то девочка предложила заняться откровенной глупостью. Она собиралась отловить женщину-монстра, да-да, ту самую, что в течение месяца наводила панику на весь город. Ту, про которую ползли слухи один другого жутче. Смех. Детство, идиотизм... Он, разумеется, согласился сразу. Плевать на здравый смысл, плевать на завтрашний коллоквиум и на институт вообще, плевать на свои комплексы, если чудесный сон оказался так восхитительно иррационален.

– Говорят, что она убивает каждого мужчину, кто на нее посмотрит, – весело сказал студент. – Пока глаза закрыты, она тебя не тронет. И убежать нельзя. Сумасшедшие слухи, правда? – он похихикал. – А самое страшное, что выглядит, как настоящая женщина, и пока убивать не начнет, не поймешь, кто такая.

– Я же говорила – молодая и красивая, как я.

– Слушай, неужели ты действительно веришь, что эта тварь бродит в городе по вечерам?

– Ты что, дурак? – возмутилась она. – Чего тут верить, если я точно знаю.

– Трупов уже навалила, жуть, – студент продолжал быть веселым.

– Фигня. Не так уж много погибло, пятеро, кажется. Она приканчивает только военных, в смысле, мужчин в военной форме. Кстати, действует только в нашем районе, и больше нигде. Так что...

Возникла легкая пауза.

– Милита, откуда ты все это... про военных, про наш район, а? Извини, конечно, что я снова спрашиваю, но в конце концов...

– Откуда! У меня папаша мент, забыл? Любит он по вечерам всякие истории рассказывать. Кроме секретных, само собой. – Понятно... – согласился студент. Он повздыхал, в муках умиряя бестактные вопросы. И, чтобы снять спазм недоумения, чтобы вернуть ногам землю, привычно стал ироничен. Он не мог не быть ироничным, когда общался с девушками, до которых не смел дотронуться:

– А как ты относишься к такой гипотезе: появившаяся сверхсильная женщина – это существо из другого мира?

– Чего?

– Ну, из космоса. Или из параллельного пространства.

– Фигня.

– И не женщина это вовсе, а биоробот...

На скамейке сделалось шумно, школьница тоже развеселилась. И опять – жарко. Оказывается, оголенное бедро невзначай придвинулось, оказывается, колени вошли в прочный контакт.

– ...Не нравится? Пожалуйста, вот тебе другая гипотеза. Вы, современные женщины, напридумывали себе красивые слова типа «эмансипация», «феминизация», «раскрепощение» и так далее. Боролись, боролись и к чему пришли? Результат получился не такой уж красивый. Если осмотреться да чуть-чуть поразмыслить, станет ясно, что по своей сути результат античеловечен. С женщинами происходит что-то дьявольское. Сейчас, в конце века, это стало очевидно... Ты слушай, слушай, нечего ржать! Я ведь не шучу!.. Так вот, могу объяснить, в чем дело. В женщинах пробуждается сила зла. Незаметно, от одной ужасной истории к другой, но неотвратимо. И женщина-монстр, если она, конечно, существует, один из первых камешков в лавине ужасов, понятно?

– Сам ты «сила зла»! – сказала Милита. – Говорят тебе, обыкновенная баба, только очень сильная. Да еще психованная к тому же. Просто с ума сошла, и теперь мужичков к ногтю.

Студент отмахнулся. Он был начитан: все знал, очкарик.

– Я на эту тему, Милита, часто думаю. Проблема лавинообразного пробуждения сил зла в людях занимает особое место в теоретической мистике. Есть такая наука, к твоему сведению... Причем пробуждение не традиционного зла, рвущегося на волю косвенно, через человеческие страсти и пороки, а прямого, потустороннего. И, видимо, закономерно, если этот процесс пойдет именно с женщин. Так и должно быть. Женщина ведь вторична по отношению к мужчине, это прямо следует из Библии. Она несет человечеству вечное греховное начало, необходимое, как ни странно, для вечного и безуспешного утверждения добродетели. Поэтому...

– Смешной, – Милита вдруг снова обняла его. Притянула к себе. Тот обмер, поперхнулся очередной умной фразой. – Смешной ты... Тоненький, стройненький. Везет мне на таких, – нежность была в ее голосе. И в руках. Боже. Боже... – Слушай, малыш, ты что, серьезно интересуешься этой мурой? Всякими там привидениями, духами?

Возвратился пульс – гулками, тугими толчками.

– А что? – проклятый кляп, наконец, отпустил горло. – Конец века, очередной всплеск мистицизма. Стараюсь не отстать...

– Ну-ну. Лучше послушай, как женщина-монстр убивала мужиков. Просто ломала, прямо руками. Никакой мистики. Элементарно – хрясь, и готов мешок костей. Вот так, вот так, чувствуешь?

Студента передернуло:

– Фу-у!

И паралич отпустил его. Одновременно упал душевный настрой, как-то сразу, глупо. Впрочем, не совсем настрой, если уж честно. То, что упало, было чуть ниже души. Жаль только, собеседницу чужие эмоции мало беспокоили:

– Отсюда жуткие слухи, понял? Особенно достается голове жертвы. Эта подруга ведь еще и целоваться может полезть, если вдруг мужик ей понравится. А головенка после ее ласки...

– Да кончай ты, Милита! – у него оказалось хорошее воображение.

– Нервишки шалят! Пардон, забыла, что вы у нас слабаки.

Опять все кончилось. Девочка мило улыбалась. Она в самом деле была хороша: распираемая здоровьем футболка притягивала руки, как магнит, плоть источала неотразимый в своей естественности запах. Запах полноценной женщины. Девятиклассница. Кровь с молоком.

Он спросил, сражаясь с возвращающейся тоской:

– А ты уверена, что поймаешь ее? И вообще, ты уверена, что справишься с ней?

– Да, – буднично сказала она, продолжая улыбаться. – Ты ведь мне поможешь. Кстати, не забыл, что надо будет делать?

– Не забыл... – Он собрал стремительно растущее недоумение в кулак и все-таки решился: – Милита, ну скажи ты, зачем тебе ее ловить?

Улыбка сползла. Бедро отодвинулось.

– Ты мне не нравишься, – ответила девочка. Встала. Долго молчала, пристально оглядывая местность, затем неожиданно предложила. – Кроме шуток, сбегай в парадную! Мало ли сколько еще ждать придется?

– Бред, – покачал головой студент. – Детство какое-то... – Он тоже встал и потянулся.

Эмоциональный фон: *Ясен из действия*

Внешний фон: *Отсутствует*

9. Подвал

Эмоциональный фон:

Ему здесь не нравилось. Ему не нравился этот дурацкий кабинет, больше похожий на бункер. Не нравились результаты проделанной им короткой прогулки. Ему вообще резко не нравилась здешняя атмосфера. Товарищ майор прошелся по коридорам, осмотрелся, побывал в спортзале, поговорил с людьми, и не встретил ни одного ученика мужского пола. Сплошь женское общество. Что за паршивый спортклуб! Впрочем, культуристки были самыми обыкновенными, точно такими же, как в десятках других клубов, и точно такие же обыкновенно пошлые мысли пробуждали их убийственные фигурки. И оборудование в спортзале было обыкновенно пошлым. Но товарищу майору все равно здесь не нравилось. Ученицы оказались поразительно юны, как на подбор. Каждая – возраста его дочери. Старшеклассницы, просто девочки. Подозрительно?.. Ерунда, конечно: будь он сам тренер, набирал бы себе в клуб только эдаких, помоложе да повкуснее... Кроме того, отвечая ему, они не улыбались – глухо, непроницаемо – взгляд их оставался взрослым, сильным, тренированным. Разве не подозрительно? Хотя, тоже ерунда: как бы мужское начало в нем ни пыжилось и ни оstriло, они-то, самочки, бабье переразвитое, не могли не чувствовать, кто с ними имеет честь беседовать. Не обманывал их гражданский костюм гостя – сразу поджимались, сразу вели себя правильно. Жаль, жаль. Видно же, что хамки, как на подбор – хамки, хамки, хамки, – и будь круг чуть теснее да знакомство чуть ближе, они ржали бы не переставая, вились бы рядом, сами бы подставляли ягодицы под его хозяйские руки, они же любят таких – настоящих, полновесных, только таких, как он, и любят они в своих дерьмовых жизнях – хамки, детки, мужики толстопопые, м-м-м, мечта!.. А вот меж собой они общались попроще. Товарищ майор, разумеется, прислушивался к чужим разговорам, профессионально хватал ушами словесный мусор вокруг себя в надежде отфильтровать что-то важное. Какую-нибудь сплетню про свою дочь – бабье ведь без сплетен не бабье. Не удалось, увы. Были в достатке трепетные девичьи откровения:

«Мать мне говорит: ну чего ты нянчишься с этим головастиком, он же тебя вместо ЗАГСа в библиотеку поведет записаться. А я ей, дуре, вежливо, чтобы в обморок не грохнулась: во-первых, говорю, до ЗАГСа я с ним не дойду, что бы он мне ни плел, а во-вторых, голова для мужика куда важнее тех частей тела, от которых ты балдеешь...»

Детство, глупость – через пару годиков пройдет. В достатке были и другие, совершенно непонятные реплики, например:

«Слушай, у меня „гад“ никак не получается. Уже два месяца, и чего делать, не знаю».

Или:

«Значит, так. Когда вдыхаешь, „гад“ проходит через позвоночник, накапливается в нижней части живота, а при выдохе нужно надуть им плечи и руки, сечешь?..»

Короче – пустое, пустое. И все-таки товарищу майору здесь не нравилось, не нравилось, и не нравилось. Профессиональная мнительность, ничего больше... А вот Милита действительно отсутствовала. Одна из ее местных подружек подтвердила, что та еще не приходила. Буркнула этак равнодушно. Глядя взрослыми глазами. Даже не подумала хотя бы на секунду оторваться от своих гантелей, зараза. И на пошлые вопросы: «Что? Где? Когда?» – резонно ответила, удивившись: «Спросите у учителя, может он ее послал?» Паршивое, паршивое, паршивое место! И чего Милку сюда занесло? Хотя, все закономерно: тоже хамка, каких поискать... Что же делать? Ждать ее, не ждать? Гуляет, детка, развлекается. Только бы не влюбилась. Вдруг действительно какой-нибудь головастик очкастый упрямый вытащит ее из стола искомую штукину? Тогда – кол им всем в зад!

«Спросите у учителя...» Уважают они его, этого невидимого Старшего тренера, не только хором, но и каждая в отдельности – видно невооруженным глазом. Учитель хренов. Гуру из подвала...

Действие:

При мысли «невооруженным глазом» товарищ майор привычно поправил под пиджаком слева, затем громко вздохнул:

– Сволочи.

Никто его не услышал. Помещение, принадлежащее «Старшему тренеру», было по прежнему пусто. Собственно, нет ничего странного, что начальство за истекший отрезок времени в кабинете не объявилось: гость недолго бродил по спортклубу. Что же делать? – в тысяча первый раз подумал он. До поезда – всего полтора часа. Но очень уж хочется побеседовать с этим гуру. На всякий случай. И вообще.

Товарищ майор огляделся.

Да, пусто. И тихо. Впрочем, не совсем тихо: по бункеру вдруг поползли еле слышные глухие голоса – поползли, исчезли. И снова... Он замер, напряжив слух. Потом мягко переместил себя через кабинет – к амбразуре в бетонной стене, к той самой, что удивила его двадцать минут назад. Осторожно освободив задвижку и потянул железную дверцу. Ничего не скрипнуло, не звякнуло. Все работало, как надо.

Там был точно такой же бункер, обставленный, правда, чуть более щедро. Две девочки школьного возраста имели в нем место. Одна сидела, другая стояла. Одеты вполне, намазаны согласно времени суток – хоть сейчас в «Асторию». Лениво бросали реплики:

– А мне он сказал, что я сегодня заниматься не буду, намечается очень важный разговор.

– А мне, что хочет заодно показать меня какому-то человеку, и чтобы я обязательно ему понравилась.

– А нулевая группа по каким дням занимается, не знаешь?

– По-моему, каждый день.

– Точно? Это хорошо, мне два раза в неделю не хватает.

На амбразуру они не обращали внимания. Скользили взглядом, попросту не замечали. Дырка, очевидно, замаскирована, подумал товарищ майор, подняв брови. Как в лучших учреждениях. Забавно.

Ему не нравилось здесь до тошноты.

– А чего вдруг его «старуха» позвала, ты не поняла?

– Да вернется, куда денется.

– Странный он какой-то сегодня. Будто нажрался с утра...

Стукнула дверь. Товарищ майор обернулся, готовя улыбку. Никого: дверь стукнула не здесь. По ту сторону объявился мужчина, вошел в поле видимости, весело сказал:

– Ну как, продолжим наши игры?

Халат из синего сатина. Грязный рабочий халат поверх спортивного костюма. В руках – швабра. А морда... Тьфу, подумал майор, я же знаю эту морду! Видел же где-то! Морда, морда, знакомая же морда...

– Значит, хотите в нулевую группу перейти? – спросил мужчина. – Ко мне, значит, под крылышко?

Что-то неуловимо наглое было в нем, точнее, неуловимо гадкое. Маленького роста, худой. Птичьи движения. На губах гуляет нехорошая ухмылка, потные глазки, не стесняясь, разглядывают девочек, причем макияж и прически интересуют его куда меньше остальных половых признаков. Сейчас вспомню, улыбнулся товарищ майор, лихорадочно тасуя фотокарточки в голове. Сейчас вспомню, уличу его, как миленького...

– Конечно, хотим, – серьезно подтвердила одна.

Вторая напряженно кивнула:

– Да, учитель.

Мужчина тоненько захохотал.

– А я тут подмести решил, – объявил он, откровенно дурачась. – Дай, думаю, подмету. Наташили вы мне грязи, девочки дорогие, своими ножищами. Не стыдно?

Девчата смотрели, дуэтом выкатив глазищи из-под крашенных век. Прибалдели. А он в самом деле принялся водить шваброй по полу – подметал. Неужели это и есть тот самый, всеми уважаемый?.. Бред. Ну никак не напоминал он учителя, хотя ты изнасилуй свою фантазию! И уж тем более не тянул на Учителя. Плюгавый мужичок, хамчик из подворотни. Знакомая морда... Тьфу, гадство, чего я здесь торчу? – спросил себя товарищ майор, только другими словами, мужскими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.